

Принципы выделения местоименных серий (на материале адыгейских демонстративов)

Ю. А. Ландер (НИУ «Высшая школа экономики»)

Ш. Ш. Унарокова (Адыгейский государственный университет)

1. Введение¹

В лингвистических описаниях нередко встречается понятие *местоименной серии*. Например, это понятие активно используется при описании неопределенных местоимений – особенно после известной работы М. Хаспельмата [Haspelmath 1997], в которой он показал, как разные местоименные корни (вроде русских *кто, что, где* и т.д.) сочетаются с разными показателями (вроде русских *-то, -нибудь, ни-*). То же понятие появляется и в описаниях других местоимений – в том числе личных, как, например, в исследованиях по языкам майя [Nida, Moisés 1950] и манде [Vydrine 2006].

В этой работе мы обсудим понятие местоименной серии и возникающие с ним сложности на примере указательных местоимений (демонстративов), хотя наши выводы применимы и к иным типам местоимений. Указательные местоимения ассоциируются в первую очередь с дейктической референцией к конкретным объектам, но выражения, образованные от *указательных (демонстративных) основ*, часто имеют и другие функции (см., в частности, [Himmelmann 1996; 1997], а также различные материалы в [Coniglio et al. (eds.) 2018; Næss et al. (eds.) 2020]). Самая известная из не собственно дейктических функций – анафорическая: нередко демонстративы используются как анафорические местоимения 3 лица или развиваются в такие местоимения (см., например, [Heine, Song 2011]). Хотя некоторые функции (эндофорические, связанные с текстом, а не с контекстом речевого акта) можно описать как «внутритекстовый дейксис» (textual deixis) [Lyons 1977: 667-668] или «дискурсивный дейксис» [Levinson 2004: 118–119], мы следуем более широкому пониманию демонстративов как единиц, обеспечивающих *совместное внимание* (joint attention) адресата и адресанта [Diessel 2006], и при этом образующих закрытый класс, характеризуемый особым морфосинтаксическим поведением [Levinson 2018: 4].

Указательные основы могут образовывать единицы, описывающие не только собственно объекты (ср. *сей, тот*), но и качество (*так-сяк, такой-сякой*), место (*там-сям*) и т.д.; см. обсуждение функциональной и синтаксической типологии демонстративов в [Diessel 1999a; 1999b; Dixon 2003; König, Umbach 2018; Killian 2022]. В этом они аналогичны многим другим нелокаторным местоименным элементам, семантика которых описывается как сочетание функции и онтологического типа [Bhat 2004: 153]. Подобные сочетания регулярно приводят к образованию того, что описывается как местоименные серии, но насколько нам известно, точные критерии выделения серий отсутствуют, а грамматики при описании соответствующих явлений опираются на традицию и/или интуицию авторов. Ниже мы попытаемся сформулировать некоторые критерии такого рода, допуская при этом, что многие ситуации допускают разные описательные решения и

---

¹ Мы выражаем признательность И. Г. Багировой и Ф. Д. Унароковой за обсуждение материала, А. Д. Ландер, написавшей программу, позволяющую предварительно вычленив местоименные серии на материале корпуса адыгейского языка, и двум анонимным рецензентам за ценные комментарии к первому варианту статьи. За любые ошибки несем ответственность только мы. Исследование Ю. А. Ландера осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

соответственно, намеренно оставляя некоторые вопросы, связанные с постулированием местоименных серий, без ответа.

Основным материалом для нас послужила исключительно богатая и типологически интересная система демонстративных выражений адыгейского языка, в котором, даже используя простейшие критерии выделения местоименных серий, выделяется не менее одиннадцати серий демонстративов. Правда, детальное описание сферы употребления любой из них достойно отдельного исследования – и мы не ставим такую задачу, ограничиваясь лишь набросками их семантики.

Работа построена следующим образом. В разделе 2 мы излагаем общий подход к выделению местоименных серий. В разделе 3 даются основные сведения о грамматике адыгейского языка и о его указательных корнях. Разделы 4–14 обсуждают разнообразное использование этих корней. В разделе 15 подводятся итоги по выделению серий указательных местоимений в адыгейском языке. Наконец, последний раздел возвращается к общим вопросам и формулирует положения, связанные с выявленными до этого сложностями выделения серий на основе простейших критериев.

2. Формы, сочетания и серии

Местоименные серии – наборы единиц с одной и той же функцией, образующихся от разных местоимений, причём в идеале по одной и той же модели².

Такого определения, однако, недостаточно: исходя из него, отдельными сериями признавались бы, например, формы любого падежа. Но серии – не простое словоизменение. Во-первых, для одних местоимений представители серии могут включать множество форм (например, разные падежные формы местоимений *-нибудь*-серии, образованных от *кто* и *какой*), а для других – лишь одну форму (*-нибудь*-местоимение, образованное от *где*); см. таблицу 1. Во-вторых, серии местоимений – не всегда морфологическое явление. Сочетания местоименных форм с *угодно* в таблице 2 скорее всего будут описываться как единицы высшего уровня, хотя и описание их в соответствии с синтаксическими правилами тоже чревато сложностями (см., например, [Testelets, Vylinina 2005]).

<i>кто-нибудь</i>	<i>какой-нибудь</i>	<i>где-нибудь</i>
<i>кто-нибудь</i>	<i>какой-нибудь</i>	<i>где-нибудь</i>
<i>кого-нибудь</i>	<i>какого-нибудь</i>	
<i>кому-нибудь</i>	<i>какому-нибудь</i>	
...	...	

Таблица 1. Фрагмент описания форм серии *-нибудь*.

² Последняя оговорка связана с тем, что среди местоимений особенно распространён супплетивизм, поэтому отождествление разных способов образования порой сопряжено с трудностями. С другой стороны, можно допустить существование синонимичных местоименных серий, отличающихся моделями образования – их противопоставление основано как раз на представлении о том, что в идеале при выделении серии речь идёт о паре «функция – модель образования». В последнем случае теоретически допустимо и объединение разных способов образования в единую модель: это естественно, если способы образования местоимений отличаются лишь незначительно (ср. наше описание адыгейских демонстративов образа действия в разделе 9).

<i>кто угодно</i>	<i>какой угодно</i>	<i>где угодно</i>
<i>кто угодно</i>	<i>какой угодно</i>	<i>где угодно</i>
<i>кого угодно</i>	<i>какого угодно</i>	
<i>кому угодно</i>	<i>какому угодно</i>	
...	...	

Таблица 2. Фрагмент описания серии *угодно*.

Противопоставление серий каноническому словоизменению (см. о его типичных свойствах, например, [Перцов 2001: 74-90]) не представляет сложности. Местоимения (и шире – проформы) часто заимствуют основные грамматические категории у других частей речи. При выделении местоименных серий можно отсечь словоизменение, доступное другим частям речи, но оставить регулярное образование форм, свойственное исключительно местоимениям. Так, формант *-нибудь* образует серию, поскольку он не сочетается с неместоименными единицами. При этом если в языке какая-либо категория (например, падеж, как в английском языке) ограничена местоимениями, разные формы этой категории придется признать местоименными сериями. Реальная практика этому не противоречит: например, английские личные местоимения, в отличие от существительных различающие падежи, во многом аналогичны местоимениям языков манде, где грамматические отношения используются для выделения разных серий [Vydrine 2006]³.

Таким же образом мы решаем проблему противопоставления серий обычным синтаксическим сочетаниям: если конструкция строится по правилам, не ограниченными местоимениями, трактовать ее как серию – создавать лишний и не необходимый элемент описания. Правда, и здесь встречаются дискуссионные случаи. Например, в германских языках единицы, которые обычно функционируют как предлоги, в сочетаниях с некоторыми местоимениями выступают как послелогов, причем в орфографии подобные сочетания изображаются как единые слова; ср. англ. *herewith* ‘посредством этого’ (< *here* ‘здесь’, *with* ‘с’), нем. *damit* ‘тем самым’ (< *da* ‘там’, *mit* ‘с’) и т.д. Мы не возражаем против описания таких послелогов как образующих местоименные серии, хотя и допускаем, что если исследователь на каком-то уровне отождествляет эту конструкцию и сочетания с предлогами, он может описывать ее иначе.

Впрочем, описывать через местоименные серии все особенности синтаксического поведения местоимений вообще – странно. Например, те же германские образования, приведенные выше, представимы и как свойство местоимений сочетаться с послелогов, а не с предлогами, в какой-то мере аналогичное, например, способности русских вопросительных местоимений предшествовать фокусным показателям вроде *именно* и *это*, а не следовать за ними, как это делают другие именные группы (ср. *Я ищу именно твою книгу / Это твою книгу я ищу* vs *Что именно ты ищешь? / Что это ты ищешь?*). Отчасти эту проблему решает требование наличия у местоименной серии конкретной функции, хотя конечно, и само понятие функции не является достаточно четким.

Фактически для нас принципиально, что серии – это особые сочетания морфем или слов, плохо соотносимые с обычными. Мы вводим следующее требование к выделению местоименных серий:

³ Использование термина *серия* для форм падежа/числа/рода для языков, в которых те же категории выделяются и для неместоименных единиц, тоже встречается (см., например, [Беликов 1972]). Тем не менее очевидно, что в таких случаях бессмысленно говорить об особой *местоименной серии*.

(1) **Требование исключительности:**

В местоименные серии включаются сложные сочетания, которые образованы по семантическим и/или морфосинтаксическим правилам, ассоциируемым исключительно с местоимениями.

Отдельная проблема связана с лексикализацией – появлением фиксированных сложных сочетаний. С одной стороны, требование исключительности не признает сериями даже сильно лексикализованные выражения (порою орфографически представляемые как единые слова), если они могут быть описаны регулярными правилами, не ограниченными местоимениями – при том, что в силу частотности сложные местоименные выражения воспринимаются как фиксированные довольно часто. С другой стороны, лексикализация порою приводит к появлению сложных форм, не сводимых к регулярным правилам и для местоимений – своего рода «островков» в местоименной системе. В случае серий нам необходимо исключить из рассмотрения такие нерегулярные явления – в частности, окказиональные лексикализации. Соответственно, мы формулируем ещё одно пожелание к выделению местоименных серий:

(2) **Требование регулярности:**

В идеале серия должна образовываться от всех основ местоимений или релевантного подкласса местоимений.

Продуктивность серий и естественность образуемых форм могут различаться. Поскольку наше исследование ориентировано в первую очередь на корпус, оно, с одной стороны, рассматривает и редкие формы, которые носители оценивают как маловероятные, но с другой стороны, может пропустить редкие формы, которые не зафиксированы в корпусе. В связи с этим далее мы различаем незафиксированные формы (в корпусе отсутствующие, но допускаемые опрошенными нами носителями – в приводимых парадигмах такие формы даются в квадратных скобках) и недопустимые формы (не встретившиеся в корпусе и оцениваемые носителями как невозможные).

Несмотря на сложности, возникающие при исследовании, ориентированном на корпус, требования исключительности и регулярности кажутся вполне естественными. Однако материал адыгейского языка показывает, что реальное их применение может дать достаточно пеструю картину.

3. Базовые сведения по адыгейской грамматике и адыгейским демонстративам

Адыгейский язык вместе с близкородственным кабардино-черкесским языком образует адыгскую/черкесскую ветвь абхазо-адыгской (западнокавказской) семьи. Описан адыгейский сравнительно не плохо – у него есть несколько подробных общих грамматических описаний [Яковлев, Ашхамаф 1941; Рогава, Керашева 1966; Smeets 1984; Зекох 2002; Зекох и др. 2003; Paris 1989; Аркадьев и др. 2009; Копук 2022], помимо большого числа частных монографий и статей.

Типологически адыгейский язык описывается как агглютинативный и полисинтетический – легко образующий исключительно сложные морфологические выражения (как префиксацией, так и суффиксацией, реже – апофонией), а также

характеризующийся другими признаками, ассоциируемыми с полисинтетизмом [Кумахов 1964; Lander, Testelets 2017]. С агглютинативностью в сочетании с чрезвычайной продуктивностью аффиксов (что свойственно и другим полисинтетическим языкам [de Reuse 2008]), возможно, связано слабое противопоставление знаменательных частей речи: одни и те же основы присоединяют морфологию сказуемого, аргумента и обстоятельства [Lander, Testelets 2017; Bagirokova, Lander 2019]. В качестве ядра именной группы часто выступает сложный именной комплекс (обычно комбинация имени и некоторых его определений), который по многим параметрам ведет себя как единое слово [Lander 2017]. Порядок слов – преимущественно левовеетвящийся (зависимые элементы предшествуют главным), хотя допускается и следование зависимых за сказуемым.

И в морфологии, и в синтаксисе (но не в порядке слов) адыгейский проявляет более или менее последовательную эргативность [Гишев 1985; Lander 2009; Letuchiy 2012; Ershova 2019] (но см. [Аркадьев и др. 2009: 80–83; Lander et al. 2021] о некоторых исключениях). Грамматические отношения выражаются как с помощью вершинного маркирования (так называемых местоименных аффиксов в синтаксических вершинах – в сказуемых, вершинах именных и послеложных групп), так и с помощью зависимостного маркирования (падежей). Индексация участников местоименными аффиксами затрагивает эргативный и абсолютный аргументы, неотторжимый посессор, объект послелого, а также непрямые объекты, роль которых обычно уточняется сопровождающим их аппликативным показателем (бенефактивным, комитативным, посессивным, одним из многочисленных локативных «превербов» и т.д.). Традиционно выделяются четыре падежа, показатели которых появляются на вершинах именных групп:

- абсолютный/именительный, маркирующий непереходный субъект и переходный пациент, а также иногда вынесенный топик;
- косвенный/«эргативный», появляющийся в основном на группах, описывающих участников, которые проиндексированы местоименными префиксами в вершине конструкции (в сказуемом, в вершине посессивной конструкции, в послелого), регулярно встречается как на группах, указывающих на основных участников ситуации, так и на группах, описывающих время и место;
- инструментальный/творительный, имеющий множество функций, в том числе локативных; может присоединяться к показателю косвенного падежа [Зекох 1969; Сердобольская, Кузнецова 2009; Serdobolskaya 2011];
- адвербиальный/превратительный, маркирующий, в частности, вторичную предикацию [Vydrin 2008] и некоторые предикатные актаны при матричных предикатах вроде ‘становиться (кем-то)’, ‘считать (кем-то)’ и т.д.

Мы будем называть абсолютный и косвенный падежи ядерными, а инструментальный и адвербиальный – периферийными. Показатели ядерных падежей могут отсутствовать в личных местоимениях, именах собственных, посессивах и нереферентных формах, которые, к тому же, не определены в отношении числа [Arkadiyev, Testelets 2019; Bagirokova et al. 2022]. Базовая именная парадигма проиллюстрирована в таблице 3.⁴

---

⁴ Представляя адыгейские данные, мы используем традиционную кавказоведческую транскрипцию (см. [Коряков 2006]). В таблицах и примерах мы приводим параллельное написание в адыгейской орфографии.

	Нереферентная форма	Единственное число	Множественное число
<i>Абсолютивный/именительный</i>	<i>matэ</i> <i>mate</i>	<i>matэ-p</i> <i>mate-r</i>	<i>matэ-xэ-p</i> <i>mate-xe-r</i>
<i>Косвенный/«эргативный»</i>	<i>matэ</i> <i>mate</i>	<i>matэ-m</i> <i>mate-m</i>	<i>matэ-xэ-m</i> , <i>matэ-mэ</i> , <i>matэ-xэ-mэ</i> <i>mate-xe-m</i> , <i>mate-me</i> , <i>mate-xe-me</i>
<i>Инструментальный/творительный</i>	<i>matэ-klэ</i> <i>mate-ц'е</i>	<i>matэ-m-klэ</i> <i>mate-m-ц'е</i>	<i>matэ-xэ-m-klэ</i> <i>mate-xe-m-ц'е</i>
<i>Адвербиальный/превратительный</i>	<i>mat-эу</i> <i>mat-ew</i>	<i>mat-эу</i> <i>mat-ew</i>	<i>matэ-x-эу</i> <i>mate-x-ew</i>

Таблица 3. Базовая именная парадигма существительного *matэ* 'корзина'.

В современном адыгейском языке выделяется четыре основных корня, образующих указательные местоимения: *тэ*, *тwe*, *а*, *ж'а* (в двух адыгейских диалектах – бжедугском и шапсугском – вместо *тwe* используется указательное местоимение *wэ/we*)⁵.

Семантика этих корней изучена недостаточно. Большая часть описаний адыгейского языка вообще касается лишь трех указательных местоимений – *тэ*, *тwe* и *а*. Традиционно утверждается, что они различаются степенью удаленности от говорящего. Например, Н. Ф. Яковлев и Д. А. Ашхамаф [1941: 289] описывают образуемый ими контраст как противопоставление между обозначениями близкого видимого, далекого видимого и невидимого, соответственно; таким же образом представляет тройку *тэ* – *тwe* – *а* К. Парис в своем очерке абадзехского диалекта [Paris 1989: 177]. Однако уже М. А. Кумахов [1964: 206] отметил, что хотя эти местоимения противопоставляются по признаку «близкий – далекий», «[м]естоимение *а* указывает на видимый или находящийся поблизости предмет, или на невидимый, но известный, определенный предмет». Согласно грамматике Г. Рогавы и З. И. Керашевой [1966: 85], *тэ* указывает на объект около говорящего, *тwe* – на объект несколько дальше от говорящего (причем исторически оно якобы указывало на объект около слушающего), *а* – на объект, расположенный «дальше от первого и второго лиц». Наконец, согласно экспериментальному описанию Д. В. Барыльниковой [2013], *тэ* указывает на близость к говорящему, *тwe* – на доступность (но не близость) и в основном употреблении часто сопровождается указательным жестом, *ж'а* – на отсутствие видимости говорящему, а преимущественно употребляется анафорически.

Ни в одной из упомянутых работ нет информации об инвентаре единиц, образуемых упомянутыми выше корнями. Наша работа призвана восполнить этот пробел, используя данные «Адыгейского корпуса» [Архангельский и др. 2018–2023], включающего разнообразные тексты на адыгейском языке.

⁵ Еще один кандидат в дейктические указательные местоимения – *ж'э* 'теперь'. Это слово действительно обладает некоторыми свойствами демонстративов. Так, в корпусе зафиксирована форма косвенного падежа *ж'э-с'* (в одном фольклорном тексте), а кроме того, от него образуется предикативная форма *ж'э-рэ* 'это теперь', аналогичная предикативным формам указательных и личных местоимений (см. о них раздел 5). Однако в силу нерегулярности этих выражений далее корень *ж'э* не рассматривается.

4. Простые употребления

Под простыми употреблениями демонстративов мы понимаем использование форм, включающих демонстративные корни, но не «модифицирующую» их морфологию, либо при имени, либо в сочетании с числом и ядерными падежами. Объединение этих двух типов употреблений противоречит проводимому в литературе жесткому противопоставлению демонстративов-детерминаторов (приименных демонстративов) и демонстративов-местоимений (самостоятельных демонстративов, образующих именные группы); см. [Diessel 1999; 2013]. Следуя этому противопоставлению, приименные и самостоятельные местоимения в адыгейском языке образовывали бы разные серии, что противоречит интуиции: естественно считать появление именных категорий следствием того, что выражение образует полную именную группу (как это делается и в отношении существительных), которая и принимает соответствующие маркеры, а не того, что перед нами особый класс демонстративов.

В приименном употреблении⁶, проиллюстрированном для *тə* и *a* в (3)–(4), демонстративы не сочетаются с другой морфологией и, по-видимому, представляют собой морфологически связанные элементы. Иногда они даже описываются – исторически [Яковлев, Ашхамаф 1941: 290] или синхронно [Dumézil 1932: 34; Зекох 2002: 164; Зекох и др. 2003: 235] – как префиксы. Этому, однако, противоречит то, что они могут быть оторваны от имен (4).

- (3) *Мы* *гъогум шъутетэу занкӀэу шъучь*. [Цукько Нэфсэт. Гъулацый]
тə *в^weg^wə-m* *š^wə-tje-t-ew* *zanč^ʔ-ew* *š^wə-č*
DEM дорога-OBL 2PL.ABS-LOC-стоять-ADV прямой-ADV 2PL.ABS-бежать
'По этой дороге (букв., находясь на этой дороге) езжайте прямо.'

- (4) [...] *a* *уздаклорэ ньом кышӀэцтэн*. [Бабыхъукьо Щорэ-цыкӀурэ Нарт Хъашхьонэжърэ]
a *wə-z-da-ķ^we-re* *nəwe-m* *q-ə-š^e-š^ʔt-ep*
DEM 2SG.ABS-REL.IO-LOC-идти-DYN бабушка-OBL DIR-3SG.ERG-знать-FUT-NEG
'(...) та бабушка, к которой ты идёшь, не узнает это.'

Образуя самостоятельные именные группы, указательные местоимения присоединяют показатели падежей (5), а также могут принимать морфологию множественного числа – суффикс *-xe* и маркер косвенного падежа множественного числа *-te*, в том числе и в сочетании друг с другом (6)⁷. Формы ядерных падежей адыгейских демонстративов показаны в таблице 4. В отличие от имен, самостоятельные указательные местоимения единственного числа получают суффикс косвенного падежа *-š^ʔ/*j** (помимо

⁶ Строго говоря, демонстративы могут выступать в качестве модификаторов не только при именах, но и при сказуемых относительных клауз в отсутствие внешней вершины [Ландер 2012].

⁷ Как показано в [Bagirokova et al. 2022: 296-297] (см. также [Ситимова 2004: 77-78]), на указательных местоимениях – в отличие от групп, образованных существительными, – маркирование множественности факультативно. Так же в отличие от существительных, демонстративы запрещают непосредственное присоединение *-te* к основе.

них обнаруживаемый лишь у личных местоимений при послелогах; ср. постулирование отдельного «сравнительного падежа» в [Зекох 1969: 66; 2002: 94])⁸.

(5) *Адыгэлыба мыр?! [Цуякьо Юныс. Къэзгъэзэжърэ ижъырэ шыухэр]*

adəge-λə-ba   **тə-г**
адыг-мужчина-EMP   DEM-ABS

‘Разве этот не адыгский мужчина?!’

(6) *Пцэжэнтфыклэ хъун ахэлъба мыхэмэ? [Къуекьо Налбий. Псым ыхъырэ луашъхь. Едзыгъуитгу хъурэ драм]*

pseɣentfə-ç'e   χ^wə-n   а-хе-λ-ba   **тə-хе-ме?**
удочка-новый   случаются-MOD   3PL.IO-LOC-лежать-EMP   DEM-PL-OBL.PL

‘Разве среди них не найдётся новой удочки?’

⁸ Фольклорный подкорпус включает также употребления демонстративов с алломорфом показателя косвенного падежа - *š'ə* (i), в единичных случаях даже в сочетании с обычным суффиксом косвенного падежа -*m* (ii) (а также – несколько чаще – с суффиксом косвенного падежа множественного числа -*me*):

(i) *Джы дэдэм о мыцы щыплъэгъугъэр зэклэ а ныо уды бзаджэм илэшагъ. [Саусырыкьо иллак]*

ž'ə-dede-m   we   **тə-š'ə**   š'ə-p-лeк^wə-кe-г   zeç'e
теперь-именно-OBL   ты   DEM-OBL   LOC-2SG.ERG-видеть-PST-ABS   все

a   nəwe-wədə-bzaž'e-m   jə-ʔe-šə-к
DEM   старуха-ведьма-зловредный-OBL   POSS-рука-делать-PST

‘Всё то, что ты сейчас здесь увидел(а), дело рук злой колдуньи.’

(ii) *Ащым лофыр зынэсыджэ плъакъохэр нилоклодыцтых. [Шъхьаклумыдэ Ким. Псэйткыку клэнэклэлъэ орэд]*

а-š'ə-м   ʔ^wefə-г   зə-nesə-ž'e   p-лаq^we-хе-г
DEM-OBL-OBL   дело-ABS   REL.TMP-достигать-INS   2SG.PR-нога-PL-ABS

p-š^we-k^wedə-š'tə-x
2SG.IO-MAL-исчезать-FUT-PL

‘Если дело дойдёт до этого, ты потеряешь ноги.’

Ср. также форму *ʔa-šə(-m)-g'e* DEM-OBL(-OBL)-INS, упоминаемую в [Smeets 1992: 307] для адыгейского говора шапсугов Дюздже (Турция).

Число	Падеж	<i>мы</i> тэ	<i>мо</i> mwe	<i>джа</i> ǰ'a	<i>а</i> а
Немаркированные формы	Абсолютив / Именительный	<i>мы-р</i> тэ-г	<i>мо-р</i> mwe-г	<i>джа-р</i> ǰ'a-г	<i>а-р</i> а-г
	Косвенный / «Эргативный»	<i>мы-ц(ы),</i> <i>мы-й</i> тэ-š'(ə), тэ-j	<i>мо-ц(ы),</i> <i>мо-й</i> mwe-š'(ə), mwej	<i>джа-</i> <i>ц(ы),</i> <i>а-й</i> <i>джа-й</i> ǰ'a-š'(ə), ǰ'a-j	<i>а-ц(ы),</i> <i>а-й</i> <i>а-š'(ə),</i> <i>а-j</i>
Множественное число	Абсолютив / Именительный	<i>мы-хэ-р</i> тэ-хе-г	<i>мо-хэ-р</i> mwe-хе-г	<i>джа-хэ-р</i> ǰ'a-хе-г	<i>а-хэ-р</i> а-хе-г
	Косвенный / «Эргативный»	<i>мы-хэ-м,</i> <i>мы-хэ-мэ</i> тэ-хе-м, тэ-хе-ме	<i>мо-хэ-м,</i> <i>мо-хэ-мэ</i> mwe-хе-м, mwe-хе-ме	<i>джа-хэ-м,</i> <i>джа-хэ-</i> <i>мэ</i> ǰ'a-хе-м, ǰ'a-хе-ме	<i>а-хэ-м,</i> <i>а-хэ-мэ</i> а-хе-м, а-хе-ме

Таблица 4. Формы ядерных падежей указательных местоимений.

Употребление ядерных падежных форм в целом определяется обычными для адыгейского языка правилами. Отметим только, что косвенные формы демонстративов, как и обычные косвенные именные группы, могут описывать место:

- (7) *Мыц цлэ дахэ цыфаусыгъ - Маркиза.* [Матыжева Аминэт. Маркизэ]
тэ-š' ce-daxe š'ə-f-a-wəsə-к - mark'əza
 DEM-OBL имя-красивое LOC-BEN-3PL.ERG-сочинять-PST Маркиза
 'Здесь её назвали красивым именем – Маркиза'.

Хотя в [Рogaва, Керашева 1966: 332] такие формы представлены как наречия места, при их появлении место обычно вводится в сказуемом с помощью локативных аппликативов (в приведенном примере – с помощью общелокативного аппликатива š'ə-), то есть ведет себя как участник ситуации. В то же время, как мы увидим, в этой функции простые косвенные формы демонстративов конкурируют с представителями других демонстративных серий.

5. Предикативные употребления и предикативная серия

Адыгейские местоимения не могут выступать как сказуемые в немаркированной форме. Определенные местоимения (как личные, так и указательные) в функции сказуемого принимают особый предикативный показатель *-rə* (см. обсуждение в [Smeets 1992]); ср. (8). Предикативные формы указательных местоимений *тэ-* и *mwe-* могут при этом вводить в рассмотрение новых участников (9).

(8) *Ары, ылуагъ зы купым. Хъау, арэн, ац фэд нылэн, алуагъ нэмыкхэм. Сэры ар, ылуагъ ежъым.* [Библия (перевод)]

а-гэ,	э-ʔ ^w а-в	зэ	к ^w эрэ-м.
DEM-PRED	3SG.ERG-говорить-PST	один	группа-OBL
haw, а-г-ер,	а-šʔ	fe.d	нэ.ʔ.ер, а-ʔ ^w а-в
нет	DEM-PRED-NEG DEM-OBL	подобный	лишь 3PL.ERG-говорить-PST
пемэщʔ-хе-м.	se-гэ а-г,	э-ʔ ^w а-в	ježʔ-э-м
другой-PL-OBL	я-PRED DEM-ABS	3SG.ERG-говорить-PST	сам-OBL

‘Иные говорили: это он, а иные: нет, не он, только похож на него. Он же говорил: это я.’

(9) *Мыры мыщ тетхагъэр - «Мэрэтыкьу, 1962-рэ илъэс».* [Адыгэ макъ]

мэ-гэ	мэ-šʔ	tje-txa-ке-г -	«meretəq ^w ,	1962-ре	jəles»
DEM-PRED	DEM-OBL	LOC-писать-PST-ABS	Меретук	1962-ADJ	год

‘Вот, что здесь написано: «Меретук, 1962 год»’.

Предикативная форма *арэ*, образованная от корня *а-* функционирует как связка в предложениях тождества [Сумбатова 2009] (10). Мы рассматриваем связку наравне с другими предикативными формами: подобно им, она способна образовывать сказуемое и самостоятельно, поскольку вводимая ей часть всегда может быть опущена.

(10) *лашэ плонэу алыгъ закьор – обзэгьур ары.* [Щэшлэ Аслъан. Аслъан плъыжъ, Аслъан джэф]

ʔaše	р-ʔ ^w е-п-еу	а-ʔэк	зақ ^w е-г
оружие	2SG.ERG-говорить-MOD-ADV	3PL.ERG-держат	единственный-ABS
webzek ^w э-г	а-гэ		
топор-ABS	DEM-PRED		

‘А вместо оружия у них топор.’

(Букв.: ‘Единственное, что они держат как, мол, оружие, - это топор.’)

Помимо простых демонстративных форм с предикативным суффиксом регулярно наблюдаются и орфографические словоформы типа *мырары, морары, джарары, арары* (11) и их производные. По-видимому, эти формы представляют собой сочетания указательного местоимения в абсолютном падеже и связки⁹:

⁹ Возможный контраргумент состоит в том, что встречаются примеры, где предполагаемая связка *арэ* присоединяется к личному местоимению с дополнительным согласным *-r* – при том, что абсолютивный *-r* к личным местоимениям не присоединяется:

(i) *О слыфые-слыфыщ зыфалорэр орары!* [Ушъый Къыщкыу. Нарт Тэтэршъао натыфрэ хьо блатхъэрэ къызэрхыгыгъэр]

we	šəfəje~šəfəšʔ	zə-f-a-ʔ ^w е-ре-г	we-r-a-гэ
ты	ужасный.человек	REL.IO-BEN-3PL.ERG-говорить-DYN-ABS	ты-r-DEM-PRED

‘Тот, о ком говорят «ужасный человек» - это ты.’

(11) *Лъапсэу илэр джарары*. [Адыгэ макъ]

laps-ew   jə-ʔe-r   ʒ'a-r-a-rə

корень-ADV   POSS-быть-ABS   DEM-ABS-DEM-PRED

‘Вот какой корень имеет.’ (Букв., ‘Корень, который у него есть, - это тот.’)

Поскольку эти конструкции композициональны, а их синтаксическая структура очевидна, оснований постулировать отдельную серию указательных местоимений для них нет – несмотря на слитное написание. Впрочем, позже мы увидим, что в двух случаях такие местоимения все же развились в отдельную серию.

Предикативные формы принимают основную суффиксальную морфологию сказуемых (время, показатели подчинения, отрицание) и часть префиксальной морфологии (например, префиксальное отрицание, присоединение которого, однако, связано с морфологически нерегулярными формами; ср. краткое обсуждение в [Герасимов 2010]). Простые предикативные формы адыгейских демонстративов показаны в таблице 5.

	<i>мы</i> mə	<i>мо</i> mwe	<i>джа</i> ʒ'a	<i>а</i> a
Базовая предикативная форма	<i>мыры</i> məɣə	<i>моры</i> mwerə	<i>джары</i> ʒ'arə	<i>ары</i> arə

Таблица 5. Образцы предикативных форм указательных местоимений

Аналогично образуются формы личных местоимений вроде *se-rə* я-PRED ‘это я’, *se-rə-mə-rə-me* я-PRED-NEG-PRED-COND, *se-mə-rə-me* я-NEG-PRED-COND ‘если это не я’ и т.д.

6. Указательные идентификаторы

Помимо форм, упомянутых в разделе 5, есть еще два местоимения, содержащие предикативный суффикс *-rə*: местоимения *marə* и *mwarə*. Эти местоимения используются как указательные идентификаторы, параллельные (по крайней мере на первый взгляд) русским *вот* и *вон*, и даже могут функционировать в качестве так называемых сентенциальных демонстративов [Fillmore 1982: 47] – вводить целые клаузы (12)–(14). Согласно грамматике [Рогава, Керашева 1966: 87], *marə* происходит из *mərarə*, которое встречается в аналогичной функции (ср. (28) ниже); *mwarə* в таком случае естественно возводить к *mwerarə*. Тем не менее синхронно это мало членимые формы с особой функцией.

Подобные примеры – совсем не норма. Обычно в таких контекстах личные местоимения присоединяют предикативный суффикс напрямую. Возможно, форма *werarə* возникает в результате применения правила, вставляющего *-r-* в интервокальной позиции.

- (12) *Мары темэу кыыгъэнэфагъэхэр...* [Адыгэ макъ]
ma.rə tjem-ew q-ə-ke-nefa-ke-xe-r...
 вот тема-ADV DIR-3SG.ERG-CAUS-ясный-PST-PL-ABS
 ‘Вот тема, которую он обозначил.’
- (13) *Мары Барони мэгулэжъы.* [Цуякъо Юныс. Къэзгъэзэжърэ ижъырэ шыухэр]
ma.rə baron-jə me-g^wəʔe-ž^ʔə
 вот Барон-ADD DYN-переживать-RE
 ‘Вот и Барон переживает.’
- (14) *Муары джыри зыгорэ изакъоу къэчъэ.* [Библия (перевод)]
mwa.rə ž^ʔə-tjə zə-g^were jə-zaq^w-ew q-e-še
 вон теперь-ADD один-некий POSS-единственный-ADV DIR-DYN-бежать
 ‘Вот еще бежит один человек.’

Как указательный идентификатор используется и *ž'arə* (от демонстратива *ž'a*). В этом случае можно говорить о форме, омонимичной простой предикативной форме, но образованной подобно *marə* и *mwarə*. Все вместе они, соответственно, должны описываться как отдельная серия (таблица 6). Дополнительный аргумент за это состоит в том, что эти местоимения морфологически ущербны: никакие другие морфологические формы от них не образуются.

	<i>мы</i> mə	<i>мо</i> mwe	<i>джа</i> ž'a	<i>a</i> a
Указательный идентификатор	<i>мары</i> marə	<i>муары</i> mwarə	<i>джары</i> ž'arə	---

Таблица 6. Указательные идентификаторы

7. Инструменталис и инструментальная серия

Показатель инструментального падежа -*č'e*, присоединяясь к определенным/референтным именным группам (кроме личных местоимений, имен собственных и посессивов единственного числа), следует за показателем косвенного падежа; ср. *waš^we-m-č'e* небо-OBL-INS ‘к небу’. Поскольку группы, образуемые указательными местоимениями, всегда являются семантически определенными, при присоединении инструменталиса на них ожидаем и суффикс косвенного падежа; ср. форму единственного числа в (15) и форму множественного числа в (16):

- (15) *Джащкэ цуакъэ щэфы.* [Къуекъо Налбый. Перестройкэр къэклуа къэмыклуа?]
ž'a-š'-č'e s^waqe š'eʔə
 DEM-OBL-INS обувь покупать
 ‘На это купи обувь.’

- (16) *Сыда мыхэмклэ тхылъеджэхэм япломэ нулоигъуагъэр?* [Адыгэ макъ]
 səd-a mə-xe-m-č'e tχəl-je.ʒ'e-xe-m ja-p-ɾʷe-me
 что-Q DEM-PL-OBL-INS книга-читать-PL-OBL 3PL.IO+DAT-2SG.ERG-говорить-COND
 p-ŝʷe-jə.кʷа-ке-г
 2SG.IO-MAL-время-PST-ABS
 'Что ты этими вещами хотел донести до читателя?'

Тем не менее регулярно встречаются и демонстративы, представляющие собой простые сочетания корня указательного корня и инструментального суффикса:

- (17) *Моклэ шъукъэтыс.* [Къуекъо Налбый. Псым ыхъырэ луашъхъ]
 mwe-č'e ŝʷə-qe-təs
 DEM-INS 2PL.ABS-DIR-садиться
 'Сядьте туда'

В отличие от инструментальных демонстративов с косвенным показателем, эти местоимения используются исключительно в локативной функции – в первую очередь для выражения направления и местонахождения. Кроме того, подобные указательные местоимения не допускают выражения множественного числа¹⁰. Эти ограничения отличают их от обычных именных групп (в том числе образованных указательными местоимениями). Соответственно, мы постулируем здесь отдельную инструментальную серию с локативным значением; см. таблицу 7.

	<i>мы</i> тə	<i>мо</i> mwe	<i>джа</i> ʒ'a	<i>а</i> a
Простые инструментальные формы	<i>мыцклэ</i> , [мыйклэ] тəš'č'e, [məjč'e]	<i>моцклэ</i> , [мойклэ] mweš'č'e, [mwejč'e]	<i>джацклэ</i> ʒ'aš'č'e	<i>ацклэ</i> , <i>айклэ</i> aš'č'e, ajč'e
Инструментальная локативная серия	<i>мыклэ</i> тəč'e	<i>моклэ</i> mweč'e	<i>джаклэ</i> ʒ'ač'e	<i>аклэ</i> ač'e

Таблица 7. Демонстративы с инструментальным показателем.

Правда, в разговорной речи косвенный падеж окказионально отсутствует и в других функциях вроде *а-č'e wə-tə-ŝ* DEM-INS 2SG.ERG-NEG-делать 'Этим не делай!' В отличие от локативных употреблений, такое использование оценивается как ненормативное: речь идет об опущении падежного показателя, свойственном разговорной речи, в то время как в стилистически нейтральном (17) представлена форма, для которой восстановление косвенного падежа не требуется.

¹⁰ Один из рецензентов предположил, что место здесь вообще понимается не как конкретный референт, а как более размытый, менее жёстко заданный участок пространства, с чем и связано отсутствие падежа (также маркирующего референтность) и числа.

Показатель инструменталиса появляется также на сказуемых некоторых сентенциальных актантов [Сердобольская, Мотлохов 2009] – например, при предикате *je-neg^wja-* ‘предполагать’ и его производных. В таком употреблении суффикс *-č’e* присоединяется к предикативным формам демонстративов, причем предикативный маркер *-rə* регулярно усекается до *-r* (ср. (18)). Эти формы – результат присоединения регулярной морфологии сказуемого к предикативным формам, и постулирование отдельной серии для них не требуется.

(18) *Енэгуягъо къэбзэныгъэр арыклэ.* [Адыгэ макъ]

<i>je.neg^wja-^we</i>	<i>qebze.nə.ve-r</i>	<i>a-rə-č’e</i>
предполагать-NTIME	чистота-ABS	DEM-PRED-INS

‘Я считаю, что дело в чистоте.’ Букв.: ‘Вероятно, что чистота – это то.’

8. Адвербиалис и неосложненная адвербиальная серия

Адвербиальный показатель *-ew* в сочетании с именами и местоимениями во всех грамматических описаниях описывается как показатель отдельного падежа, хотя тот же суффикс образует и типичные наречия образа действия (ср. *psənč’-ew* ‘быстро’ < *psənč’e* ‘быстрый’), и так называемые деепричастные формы. Адвербиальный маркер присоединяется к демонстративным корням напрямую или появляется на их предикативных формах; см. таблицу 8 и примеры (19)-(20). Возникающие таким образом формы мы будем называть неосложненными – в отличие от сходных с ними адвербиальных демонстративов образа действия, содержащих специальный показатель (см. раздел 9).

Неосложненные формы *č’a-w* и *a-w* образуются нестандартно: у адвербиального показателя *-ew* в сочетании с именами нет алломорфа *-w*. В то же время указательные основы – единственные незаимствованные основы, которые можно описать как исходно (до применения морфонологических правил) содержащие конечный гласный /a/, и появление алломорфа *-w* скорее всего связано именно с этим.

(19) *Куп цыклоу джау тпэмычыжъэу, къэхэлъэ гъунэм дэжь шытых.* [Цуякъо Юныс. Къэзгъэзэжърэ ижъырэ шыухэр]

<i>k^wər-çəq^w-ew</i>	<i>č’a-w</i>	<i>t-pe-mə-č’əž’-ew,</i>
группа-маленький-ADV	DEM-ADV	1PL.IO-LOC-NEG-далекий-ADV
<i>qexele-^wəne-m</i>	<i>dež’</i>	<i>š’ə-tə-x</i>
кладбище-граница-OBL	возле	LOC-стоять-PL

‘Они стояли маленькой группой там, недалеко от нас, у края кладбища.’

(20) *Сыда мырзу узфэчэфынчъэр?* [Щэшлэ Аслъан. Сае зыщыгъ нысхъап]

<i>səd-a</i>	<i>mə-r-ew</i>	<i>wə-z-fe-č’efə-nče-r</i>
что-Q	DEM-PRED-ADV	2SG.ABS-REL.IO-BEN-веселый-CAR-ABS

‘Что же ты так дуешься?’ Букв.: ‘Что есть то, из-за чего ты так невесел?’

	<i>мы</i> mә	<i>мо</i> mwe	<i>джа</i> ǰ'a	<i>a</i> a
Неосложненная адвербиальная серия	<i>мэу</i> mew	<i>моу</i> mwew	<i>джау</i> ǰ'aw	<i>ау</i> aw
Адвербиальные предикативные формы	<i>мырэу</i> mәrew	<i>морэу</i> mwerew	<i>джарэу</i> ǰ'arew	<i>арэу</i> arew

Таблица 8. Неосложненные адвербиальные демонстративы.

Неосложненные адвербиальные демонстративы без предикативного суффикса иногда используются в локативном значении, не типичном для адвербиальных форм; ср. (19) выше. Кроме того, у *mwew* и *aw* развились новые функции – намного более частотные: *mwew* используется как частица призыва ‘ну-ка’, а *aw* – как адверсативный союз ‘но’ (см. [Степанянц, в печати] о развитии таких союзов):

(21) *Ау, моу кыисэдэлу, сипиъаишь, мы лофыр кыызэрыкло дэдэу цытэн.* [Щэшлэ Аслъан. Аслъан плъыжь, Аслъан джэф]

aw, mwew qә-s-e-deʔ^w, s-jә-pšaš, mә ʔwefә-г
но ну.ка DIR-1SG.IO-DAT-слушать 1SG.IO-POSS-девушка DEM дело-ABS
qә.ze.rә.қ^we-ded-ew š'ә-t-ep
простой-очень-ADV LOC-стоять-NEG
‘Но послушай, дочка, это дело не очень простое.’

В силу относительной нерегулярности построения и некомпозициональности можно считать формы без предикативного суффикса особой серией. Напротив, формы, включающие предикативный суффикс – формы предикативной серии, поскольку их функции аналогичны формам обычных адвербиальных сказуемых (‘так’ < ‘будучи тем/этим’).

Неосложненные формы регулярно наблюдаются в текстах со стативным предикатом *š'ә-t-* ‘стоять’ (с общелокативным превербом *š'ә-*), выполняющим своего рода вспомогательную функцию. Здесь у всех них обнаруживается нелокативная функция – своего рода замещение образа действия или даже целой ситуации:

(22) *Арышь, зэхэтицэрэ мэфэкӀхэр ау цытми реклокӀхэу пӀон плъэкӀыцтэн.* [Адыгэ макъ]

a-rә-š, ze-xe-t-š'e-re mefeç'-xe-г a-w
DEM-PRED-CS REC.IO-LOC-1PL.ERG-вести-DYN праздник-PL-ABS DEM-ADV
š'ә-t-m-jә r-je-қ^we-ç'ә-x-ew p-ʔwе-n
LOC-стоять-COND-ADD LOC-DAT-идти-выходить-PL-ADV 2SG.ERG-говорить-MOD

р-лєџ'э-š't-ep

2SG.ERG-мочь-FUT-NEG

‘Итак, нельзя сказать, что праздники, которые мы устраиваем, несмотря на это (букв. хотя так стоят), проходят.’

Далее мы увидим, что из этой конструкции развилась дополнительная серия демонстративов, которая хотя в большинстве случаев и конкурирует с адвербиальными формами (и выигрывает эту конкуренцию), тем не менее, не ограничена адвербиальными контекстами.

9. Демонстративы образа действия

Еще более грамматикализуясь, статив *š'ə-t* ‘стоять’ в сочетаниях с демонстративами превращается в формант *-š't*, образующий демонстративы образа действия (таблица 9). Предикативный суффикс в таких демонстративах может как присутствовать (23), так и отсутствовать (24). Зафиксированы и примеры, в которых адвербиальный маркер не вычленяется (25), хотя от него остается след в виде гласного /e/. Все такие местоимения отсылают к характеристике ситуации.

(23) *Ащыц горэм мырэуцтэу кьело джы (...)* [Щэшлэ Аслъан. Аслъан плъыжь, Аслъан джэф]

a-š'ə-š'-g^were-m

mə-r-ew-š't-ew

3PL.IO-LOC-быть.частью-некий-OBL

DEM-PRED-ADV-PMAN-ADV

q-j-e-ʔ^we

ž'ə (...)

DIR-3SG.ERG-DYN-говорить теперь

‘Один из них теперь говорит мне так (...)’

(24) *Зымышлэрэмэ мэуцтэу ало (...)* [Кьуплан (перевод)]

zə-mə-š'e-re-me

m-ew-š't-ew

a-ʔ^we (...)

REL.ERG-NEG-знать-DYN-OBL.PL

DEM-ADV-PMAN-ADV

3PL.ERG-говорить

‘Так говорят те, которые не знают...’

(25) *Хьау, тэрэзэу шьузэрэубытыгьэп, мырэуцтэу шьузэрэубытын фае!* [Бэрзэдз Мэрзан. Кьолэжьым ыкьо Зезэрыхьэ итаурыхь]

haw, terez-ew

š^wə-ze-re-wəbətə-в-ep,

нет правильный-ADV

2PL.ABS-REC.IO-RCP-хватать-PST-NEG

mə-r-e-š't-ew

š^wə-ze-re-wəbətə-n

fa.je

DEM-PRED-[ADV]-PMAN-ADV 2PL.ABS-REC.IO-RCP-хватать-MOD

должный

‘Нет, вы неправильно друг за друга взялись, вот так вы должны взяться.’

	<i>мы</i> mə	<i>мо</i> mwe	<i>джа</i> ǰ'a	<i>а</i> a
X-ADV-š't-	--	<i>моуцт-</i> mwewš't-	<i>джауцт-</i> ǰ'awš't-	<i>ауцт-</i> awš't-
X-š't-	<i>мыцт-</i> məš't-	<i>моуцт-</i> mweš't-	<i>джауцт-</i> ǰ'aš't-	<i>ауцт-</i> aš't-
X-PRED-ADV-š't-	<i>мырэуцт-</i> mərewš't-	<i>морэуцт-</i> mwerewš't-	<i>джарэуцт-</i> ǰ'arewš't-	<i>арэуцт-</i> arewš't-
X-PRED-e-š't-	<i>мырэуцт-</i> məreš't- ¹¹	[<i>морэуцт-</i>] [mwereš't-]	[<i>джарэуцт-</i>] [ǰ'areš't-]	<i>арэуцт-</i> areš't-

Таблица 9. Морфологические модели демонстративов образа действия.

Мы исходим из того, что в формах с *-š't* этот показатель уже функционирует как особая морфема. Поскольку его сочетаемость в данной функции ограничена местоимениями¹², он трактуется как показатель серии, хотя серия эта имеет большое число вариантов.

Есть соблазн считать демонстративы с *-š't* аналогами указательных местоимений с адвербиальным суффиксом – поскольку появление этого показателя для них является нормой. Однако демонстративы образа действия встречаются и в контекстах, в которых адвербиальные формы недопустимы – в частности, в качестве независимых сказуемых:

(26) *Арэуцтэн ар!* – *Арэуцт!*

a-r-ew-š't-ep

DEM-PRED-ADV-PMAN-NEG

‘Это не так! – Это так!’

a-r –

DEM-ABS

a-r-ew-š't

DEM-PRED-ADV-PMAN

Присоединение прочей морфологии – помимо предикативного суффикса, форманта *-š't* и показателя адвербиалиса – для адвербиальных демонстративов почти не зафиксировано. Исключение составляют единичные случаи отрыва адвербиального суффикса от *-š't* – экспрессивным суффиксоидом *-gʷəš'e* ‘к сожалению’ и суффиксоидом *-šəpɕe* ‘действительно’:

(27) *Ау джарэуцтэ шгынкъэу ары цыфхэр зэрэлэхэрэр.* [Вильгельм Буш. Исус – тэ тинасып (перевод)]

aw **ǰ'a-r-ew-š'te-šəpɕ-ew**

a-rə

ɕəf-xe-r

но DEM-PRED-ADV-PMAN-действительно-ADV

DEM-PRED человек-PL-ABS

ze.re-λe-xe-re-r

REL.FACT-умирать-PL-DYN-ABS

‘Но именно так люди и умирают.’

¹¹ Несмотря на присутствие таких форм в корпусе (2 вхождения), наши консультанты оценивают их как недопустимые.

¹² Морфема *š't* встречается так же при выражении будущего времени, имперфекта и эпистемической модальности. В этих случаях, вероятно, она тоже восходит как *š'ə-t* ‘стоять’ (ср. [Arkadiev, Maisak 2018]), но имеет иную функцию.

Морфологически демонстративы образа действия объединяются с вопросительным местоимением *səd-ew-š't-* что-ADV-PMAN- ‘как?’ и с неопределенным местоимением *zə.g^wer-e-š't-* / *zə.g^wer-ew-š't-* некий-ADV-PMAN- ‘как-то’.

10. Демонстративы тождества

Особняком стоят сочетания демонстративных корней с интенсифицирующей морфемой *dede*, в разных контекстах получающей переводы ‘именно’, ‘очень’ и т.д. Сочетания *dede* с указательными местоимениями, для которых в корпусе встречается как слитное, так и раздельное написание, обычно интерпретируются как ‘(э)тот же самый’, ‘именно (э)тот’ (28). В таком употреблении указательные местоимения и *dede* сочетаются и с существительными (29).

- (28) *Мырары, Бэркьукъи джадэдэр кьылуи унэм икльыгъ.* [Чэтао Инал. Шыухэр]
 мэ-г-а-рə, берq^wəq-јə **ž'a-dede-r** q-ə-ʔ^wə-јə
 DEM-ABS-DEM-PRED Беркук-ADD DEM-именно-ABS DIR-3SG.ERG-говорить-ADD
 wəne-m јə-č'ə-к
 дом-OBL LOC-выходить-PST
 ‘Вот Беркук то же самое сказал и вышел из дома.’

- (29) ... *джа пчыхъ дэдэм тыщым кьыгъэзэжъыгъ.* [Адыгэ макъ]
 ... **ž'a pč'əhe-dede-m** təš'ə-m
 DEM вечер-именно-OBL дом.невесты-OBL
 q-ə-keze-ž'ə-к
 DIR-3SG.ERG-поворачивать-RE-PST
 ‘...она собралась вместе с двумя детьми в тот же вечер домой к родителям она вернулась.’

Эти примеры композициональны и не требуют особого описания. Но в той же функции встречаются и другие сочетания – в которых корень указательного местоимения сопровождается морфемой *-r* (30). Мы предполагаем, что ее можно отождествить с предикативным суффиксом *-rə*, что подтверждается окказиональными (хотя и очень редкими) примерами, в которых демонстративный корень сопровождается именно таким алломорфом (31).

- (30) *Гъашлэ бгъэшлэныр псынклэн, ау ардэдэм етлани ухэтми шлыкълэ уегъашлэ.* [Адыгэ макъ]
 ka.ʃe b-keʃe-nə-r psənč'-er, aw **a-r-dede-m**
 жизнь 2SG.ERG-прожить-MOD-ABS легкий-NEG но DEM-PRED-именно-OBL
 jeʃan-јə wə-xe-t-m-јə šə-č'e
 потом-ADD 2SG.ABS-LOC-стоять-COND-ADD делать-NMNR

wə-j-e-ka-še

2SG.IO-3SG.ERG-DYN-CAUS-знать

‘Прожить жизнь не легко, но в ней же находясь, ты учишься, как себя вести.’

(31) *Арыдэдэм цтаггэм зэрэхэтэу ибаярмэ мырэу арыуагъ...* [Мэщбэшлэ Исхьякъ (пер.). Игорь идзэ фэггэхьыггэ псаль]

a-rə-dede-m   š'ta-ke-m   ze.re-xe-t-ew
 DEM-PRED-именно-OBL   пугаться-PST-OBL   REL.FACT-LOC-стоять-ADV
 jə-bojar-me   мə-г-ew   а-г-јə-ʔ^wа-к...
 POSS-боярин-OBL.PL   DEM-PRED-ADV   3PL.IO-DAT-3SG.ERG-говорить-PST
 ‘В тот же момент находясь в испуге он его боярам вот так сказал.’

И всё же, даже если *-гə* здесь – предикативный суффикс, эта конструкция не композициональна, так как его появление не получается описать через обычные правила его употребления. Соответственно, мы постулируем еще одну серию указательных местоимений тождества; см. таблицу 10.

	<i>мы</i> мə	<i>мо</i> mwe	<i>джа</i> ž'a	<i>а</i> a
Простые сочетания с <i>dede</i>	<i>мы дэдэ-</i> мə dede-	[<i>мо дэдэ-</i>] [mwe dede-]	<i>джа дэдэ-</i> ž'a dede-	<i>а дэдэ-</i> a dede-
Местоимения тождества	<i>мыр(ы)дэдэ-</i> мəр(ə)dede-	[<i>мор(ы)дэдэ-</i>] [mwer(ə)dede-]	<i>джар(ы)дэдэ-</i> ž'ar(ə)dede-	<i>ар(ы)дэдэ-</i> ar(ə)dede-

Таблица 10. Демонстративные выражения тождества.

11. Демонстративы подобия

Кроме адвербиальных демонстративов для указания на качество используются сочетания указательных корней с *fede-* ‘подобный, как’ (исходно сочетание бенефактивного/направительного аппликатива с корнем *de* ‘соответствовать’) вроде *тə fede* ‘такой’, *тə fedew* ‘так’ (с адвербиальным показателем):

(32) *Нартмэ арыуагъ «мы фэдэ клалэр кьэсыгъ», — алуи.* [Ацумыжъ Юсыф. Нарт орзэмэджь укь хасэм кьызэрэращыжыггэр]

nart-me   а-г-а-ʔ^wа-к   «**мə fe.de**   č'ale-г
 нарт-OBL.PL   3PL.IO-DAT-3PL.ERG-говорить-PST   DEM   подобный   парень-AVS
 qe-sə-к»,   а-ʔ^w-јə.
 DIR-достигать-PST   3PL.ERG-говорить-ADD
 ‘Нартам сказали: «Вот такой парень прибыл».’

(33) *А фэдэ зылоньми taloklэ, – къыцело.* [Нэпсэу Батчэрый. Борэжь итхъаусых]

а fe.de зэ-ʔ^we-пэ-м-јэ

DEM подобный REL.ERG-говорить-MOD-OBL-ADD

t-a-ʔ^w-e-č'е, qэ-s-j-e-ʔ^we

1PL.ABS-3PL.IO-LOC-DYN-встречать DIR-1SG.IO-3SG.ERG-DYN-говорить

‘Мы встречаем таких, кто так скажет, - говорит мне.’

В литературе выражения вроде русск. *такой*, англ. *such, so* именуется демонстративами подобия (англ. *similarity demonstratives*) [Umbach, Gust 2014]. Однако в адыгейском языке соответствующая семантика возникает благодаря слову ‘подобный’, так что на первый взгляд, постулирование специальной серии здесь не требуется. При этом в композиционной конструкции с таким значением демонстративы выступают в качестве непрямого объекта слова *fed(e)* и должны оформляться косвенным падежом, как в (34):

(34) *Мыщ фэдэ фестиваль Уляпэ щызэхэтицэнэу бэшлагъэу сыфэягъ, - ело Любэ.* [Адыгэ макъ]

мэ-š' fe.de f'est'əval' wəlapə š'ə-ze-xe-t-š'e-n-ew

DEM-OBL подобный фестиваль Уляп LOC-REC.IO-LOC-1PL.ERG-вести-MOD-ADV

be.ša.к-ew sə-fe-ja-к, j-e-ʔ^we l'ube.

давно-ADV 1SG.ABS-BEN-хотеть-PST 3SG.ERG-DYN-говорить Люба

‘Я давно хотела, чтобы мы организовали в Уляпе такой (букв., подобный этому) фестиваль, - говорит Люба.’

В формах типа *a fede* падеж отсутствует, поэтому они не могут интерпретироваться как словосочетания, образованные по общему правилу, и претендуют на статус отдельной серии.¹³ В отсутствие падежа недопустима и суффиксация демонстративных корней показателем множественного числа; ср. невозможность форм вроде **мэ-хе (a-)fe.de* DEM-PL (3PL.IO-)подобный (ожид. ‘подобный этим’) при допустимом *мэ-хе-т a-fe.de* DEM-PL 3PL.IO-подобный.

¹³ Примечательно, что в кабардино-черкесском языке аналогичная конструкция, включающая демонстративы с падежным маркированием, тоже претерпела изменения: показатель падежа редуцировался и оглушился, что в других контекстах, насколько нам известно, не встречается; ср. *арх'эде* ‘такой’ < *a-бэ х'эде* [DEM-OBL подобный]. Таким образом, в кабардино-черкесском и конструкция с косвенным падежом переродилась в особую серию.

	<i>мы</i> мэ	<i>мо</i> mwe	<i>джа</i> ž'a	<i>a</i> a
Простые сочетания с <i>fede-</i>	<i>мыщ/мый</i> <i>фэдэ-</i> məš'/məj fede-	[<i>моуц/мой</i> <i>фэдэ-</i>] [mweš'/mwej fede-]	[<i>джауц/джай</i> <i>фэдэ-</i>] [ž'aš'/ž'aj fede-]	<i>ауц/[ай]</i> <i>фэдэ-</i> aš'/[aj] fede-
Морфологизованные сочетания с <i>fede-</i>	<i>мы фэдэ-</i> мэ fede-	[<i>мо фэдэ-</i>] [mwe fede-]	[<i>джа фэдэ-</i>] [ž'a fede-]	<i>a фэдэ-</i> a fede-

Таблица 11. Демонстративные выражения подобия

При установлении подобия по количеству в адыгейском языке используется выражение *fedjəz*, образованное от *fede* прибавлением числительного 'один' (*fe.d-jə-zə* подобный-LNK-один). Как и в описанной выше конструкции, в сочетании с *fedjəz* демонстративные корни факультативно выступают без показателя падежа. В следующем примере числительное 'один' в составе *fedjəz* выступает в кратной форме 'один раз':

- (35) *А фэдиэзэ нэтыныя?! [Пщыдатэкьо Сахьид. Нарт Шэбатныкьо ипщыналь]*
a fe.d-jə-z-e pe-tə-nə-j-a
 DEM подобный-LNK-один-MULT LOC-стоять-MOD-EMP-Q
 'Будет ли столько стоять перед ним?'

В данном случае постулирование особой серии зависит от того, считать ли конструкцию с *fedjəz* 'столько' подтипом аналогичной конструкции с *fed-* или независимой конструкцией.

12. Локативная серия

Особая локативная серия образуется от демонстративных корней суффиксом *-de* (который окказионально усекается, а также имеет алломорф *-də*; см. ниже)¹⁴. Результат деривации – формы, описывающие место и обычно употребляемые в функции обстоятельства вроде русских *здесь/сюда, там/туда*. В корпусе зафиксированы формы с *-de* от всех указательных корней, кроме *ž'a*¹⁵ (хотя последний, возможно, всё же образует некоторые локативные формы). Ср.:

- (36) *Адэ джыдэдэми тыгьаклоба. [Щэшлэ Аслъан. Чыжьэмрэ благьэмрэ]*
a-de ž'ə-dede-m-jə tə-ka-k^we-ba
 DEM-PLOC теперь-именно-OBL-ADD 1PL.ABS-CAUS-идти-EMP
 'Поехали туда и сейчас!'

Локативные демонстративы *ade* и *məde* также развились далее в дискурсивные частицы: первая обеспечивает связь с предыдущим контекстом (схоже с русским *ну*),

¹⁴ Тот же суффикс обнаруживается в вопросительном местоимении *təde* 'где?'

¹⁵ Слово *ž'ade*, совпадающее с ожидаемым дериватом, имеет значение 'огромный'.

вторая привлекает внимание адресата (в первую очередь в сочетании с императивами, но не только – вроде *ну-ка*):

(37) *Адэ мы унэм сьд ихъухъагъэр?* [Хьаклэмызэ Биболэт. Анахыклар анахь клас]

a.de мэ wəne-m səd jə-χ^{wə}-ha-ke-г?

ну DEM дом-OBL что LOC-случаться-входить-PST-ABS

‘Так что в этом доме произошло?’

(38) *Мьдэ пчэиф чъыгхэр ори къыздэуплъэкIух.* [Гутлэ Саныет. Хьэм ыцлагъэр Купль]

mə.de рѣ'ejəf-цəг-хе-г we-гjə qə-z-de-wəp^лek^{wə}-x

ну.ка береза-дерево-PL-ABS ты-ADD DIR-1SG.IO-COM-проверять-PL

‘А ну-ка и ты проверь со мной березы.’

(39) *Мьдэ мыщ зызэригъэатэкъэпщырэр...* [Мэщбэшлэ Исхъакъ. Чыгу-огу зэнэсым сыда щылэр?]

mə.de мэ-š' zə-ze.r-jə-ke-ateqe-pš'ə-re-r...

ну.ка DEM-OBL RFL.ABS-REL.MNR-3SG.ERG-CAUS-петух-князь-DYN-ABS

‘Ну-ка (посмотрим), как он из себя петуха делает.’

Хотя в литературе формы на *-de* описываются как производные от указательных местоимений наречия [Рогава, Керашева 1966: 332], в корпусе зафиксированы употребления местоимений этой серии с косвенным падежом (40), которые, правда, не принимаются нашими консультантами. Локативные демонстративы также регулярно встречаются с инструментальным падежом, но вместо *-de* в таком случае возникает либо его усеченная форма (41), либо алломорф *-də* (42).

(40) *Мьдэм укъеблагъэмэ цыгъу-пIастэр ослон.* [Ушьый Клыщыкью. Нарт Щэбатыныкью ипщыналь]

mə-de-m wə-q-je-bləke-me š'əv^{wə}-pəste-r

DEM-PLOC-OBL 2SG.ABS-DIR-DAT-заходить-COND соль-пастэ¹⁶-ABS

w-e-s-ʔ^{wə}-n

2SG.IO-DAT-1SG.ERG-говорить-MOD

‘Если ты сюда пойдешь, скажу тебе «соль да пастэ».’

(41) *Жъаур адкIэ макло, тыгъэр мьдкIэ къэкIо [...]* [Цурымыт Музэфэр. Сабый джэгукIэхэр]

ž'awə-г **a-d-č'e** ma-к^{wə}, təke-г мə-d-č'e q-e-к^{wə} [...]

тень-ABS DEM-PLOC-INS DYN-идти солнце-ABS DEM-PLOC-INS DIR-DYN-идти

‘Тень в ту сторону идет, солнце в эту сторону идет...’

¹⁶ Национальное адыгское блюдо, аналог мамалыги.

(42) *Ящанэрэм верандэр мыдыклэ рехьакл, ылуагь.* [Къуекъо Налбий. Шьэоцлыклу икъэбархэр. Зы нэбгырэм пае къэшлыгьохэр]

ja.š'.a.ne-re-m v'erande-r **mə-də-č'e** r-je-ha-č',
 третий-ADJ-OBL веранда-ABS DEM-PLOC-INS LOC-DAT-нести-выходить
 ə-ɾ^wa-в.
 3SG.ERG-говорить-PST

‘Третий сказал «Веранду с этой стороны сделай (букв. в эту сторону отнеси)».’

12. Основные зафиксированные формы для локативных местоимений даны в таблице

	<i>мы</i> mə	<i>мо</i> mwe	<i>джа</i> ǰ'a	<i>а</i> a
Простая форма	<i>мыдэ</i> məde	<i>модэ</i> mwede	--	<i>адэ</i> ade
OBL	?? <i>мыдэм</i> ?? <i>mədem</i>	--	--	--
INS	<i>мыд(ы)клэ</i> məd(ə)č'e	<i>мод(ы)клэ</i> mwed(ə)č'e	[<i>джад(ы)клэ</i>] [ǰ'ad(ə)č'e]	<i>ад(ы)клэ</i> ad(ə)č'e

Таблица 12. Пространственные демонстративы.

При этом мы видели, что как серии с локативной функцией могут описываться и нестандартные сочетания демонстративных корней с инструментальным и адвербиальным маркерами. Кроме того, в корпусе зафиксировано слитное написание указательных местоимений с корнем *бв^wə* ‘бок, сторона’, что указывает на развитие серии, основанной на этом сочетании – хотя явно не соответствует еще выдвинутому выше критерию:

(43) *Ардэдэми мыбгьумклэ кьызэрэклуагьэм фыклэгьожьыгь.* [Чэтао Инал. Шьухэр]

a-r-dede-m-jə **mə-bv^wə-m-č'e** qə-ze.re-ḱ^wa-ke-m
 DEM-PRED-именно-OBL-ADD DEM-сторона-OBL-INS DIR-REL.FACT-идти-PST-OBL
 fə-č'ek^we-ž'ə-в
 DEM-сожалеть-RE-PST

‘В то же время он пожалел, что пришел с этой стороны.’

13. Временные формы

Собственно временные формы, образованные от демонстративов – это в первую очередь сочетания соответствующих корней с *-š'əv^wə* – морфологически прозрачного сегмента, включающего общелокативный преверб *š'ə-* и связанный корень *-v^wə* ‘время’ (также используемый как показатель номинализаций времени; см. [Урусов 1980: 235–236; Lander 2016: 3515–3516]). Несмотря на прозрачность, формы с указательными местоимениями на письме обычно (хотя и не всегда) выступают слитно – и по-видимому, в значительной степени лексикализованы. Самостоятельно *š'əv^wə* как слово не

функционирует,¹⁷ что дает основание считать это еще одной серией демонстративов; см. таблицу 13.

	<i>мы</i> тə	<i>мо</i> mwe	<i>джа</i> ʒ'a	а а
Временная серия	??? <i>мыщыгъу-</i> ??? <i>тəʃ'əв'ə-</i>	--	<i>джащыгъу-</i> ʒ'aʃ'əв'ə-	<i>ащыгъу-</i> aʃ'əв'ə-

Таблица 13. Временные демонстративы.

Из временных местоимений в корпусе встречаются почти исключительно образованные от корней *а-* и *ʒ'a-*. Наиболее частотная форма таких местоимений – это, ожидаемо, косвенный падеж, регулярно используемый при описании времени (см. раздел 3 выше); ср. (44). Тем не менее в корпусе встречаются и формы абсолютива (в конструкциях псевдоклефта) (45). Форм множественного числа у временных демонстративов нет.

(44) *Адэ, къысфэгъэгъу ащыгъум, сьд уфаеми нфэсцлэн.* [Хъуажь Фахъри. Орыгъеэмэ сьд ебгъэшлэныя?]

a.de, qə-s-fe-ke.в'ə   **а-ʃ'əв'ə-т,**
 ну   DIR-1SG.IO-BEN-простить   DEM-PTIME-OBL
 səd   wə-fa-je-m-jə   p-fe-s-ʃe-n
 что   2SG.ABS-BEN-хотеть-COND-ADD   2SG.IO-BEN-1SG.ERG-делать-MOD
 'Ну тогда прости меня, что захочешь, то я и сделаю.'

(45) *Ащыгъур ары нылэн зэрагъацлэрэр хульфыгъэм къызыгурьлуагъэр.* [Адыгэ макъ]

а-ʃ'əв'ə-г   а-рə   нə.ʔ.ер   ze.r-a-ka-pce-re-r
 DEM-PTIME-ABS   DEM-PRED   лишь   REL.FACT-3PL.ERG-CAUS-ложь-DYN-ABS
 χ'əʎfəke-т   qə-zə-g'əgəʔ'a-ke-r
 мужчина-OBL   DIR-REL.TMP-понимать-PST-ABS
 'Именно в тот момент мужчина понял, что его обманывают.'
 (Букв. 'Это только тогда – то, когда мужчина понял, что его обманывают.')

Помимо этих временных форм, в адыгейском языке встречаются и другие лексикализованные сочетания с демонстративными корнями, которые принято писать слитно: сочетания с корнями *ве* 'год, летний сезон' и *ʃ'ə* 'зимний сезон' вроде *тəве* 'в этот год', *тəʃ'ə* 'этой зимой'. Возможно, к сочетанию с демонстративом *тə* восходит слово *пəʃ'ер* 'этой ночью' (ср. *ʃ'eʃ'ə* 'ночь'), но синхронно такой связи явно нет. Наконец, в адыгейском языке есть слово *ате* 'тогда', которое можно теоретически связать с демонстративом *а*, но аналогичные формы с другими указательными корнями отсутствуют.

¹⁷ В адыгейском языке есть омонимичное слово *ʃ'əв'ə* 'соль', которое мы, разумеется, не учитываем.

14. Контрастивная серия

Ещё одна серия указательных местоимений подразумевает обязательное существование по меньшей мере одного сходного объекта наряду с описываемым. Эта серия образуется прибавлением к демонстративному корню *-dre/-dәre/-dere*; см. таблицу 14. С точки зрения морфологии, *-re* отождествляется с суффиксом «относительных прилагательных» (наблюдаемый в небольшом числе образований вроде *njepere* ‘сегодняшний’ < *njere* ‘сегодня’, а также в порядковых числительных; см. [Урусов 1980: 249]), а *-d/-dә/-de* может соотноситься с локативной серией, описанной в разделе 12. Как и в случае с локативной серией, формы, образованные от *ǰ’a-*, не зафиксированы в корпусе, хотя их существование допускается носителями.

Контрастивные демонстративы появляются как в приименной позиции (46), так и самостоятельно (47) – и в последнем случае они принимают как падежные показатели (причем в качестве показателя косвенного падежа выступает именной *-m*, а не местоименный *-ǰ*’), так и показатели множественного числа¹⁸.

- (46) *Модрэ пчъэмкІэ сищыжь сэ, Щылэхъан.* [КІэрэщэ Тембот. Ны Іушым ыпхъу]
mwe-d.re рсе-м-ǰ’е s-jә-ǰ’ә-ǰ’ se, ǰ’әlexan
 DEM-CONTR дверь-OBL-INS 1SG.ABS-LOC-вести-RE я Щылехан
 ‘Щылехан, выведи меня через ту дверь.’

- (47) *Зыр чэтыум ышхыгъ, адрэхэр быбыжьыгъэх.* [Щэшлэ Аслъан. Бзыутф щысыгъ]
 зә-г ǰ’etәwә-m ә-ǰхә-в, **a-d.re-xe-r** bәbә-ǰ’ә-ke-x
 один-ABS кошка-OBL 3SG.ERG-есть-PST DEM-CONTR-PL-ABS лететь-RE-PST-PL
 ‘Одну съела кошка, остальные улетели.’

	<i>мы</i> мә	<i>мо</i> mwe	<i>джа</i> ǰ’a	<i>а</i> а
Контрастивная серия	<i>мыдрэ,</i> <i>мыдырэ,</i> ??? <i>мыдэрэ</i> mәdre, mәdәre, ???mәdere	<i>модрэ,</i> <i>модырэ</i> mwedre, mwedәre	[<i>джадрэ</i>], [<i>джадырэ</i>] [ǰ’adre], [ǰ’adәre]	<i>адрэ, адырэ,</i> ??? <i>адэрэ</i> adre, adәre, ???adere

Таблица 14. Контрастивные демонстративы.

По крайней мере контрастивный демонстратив, образованный от корня *a-*, регулярно понимается как аналог русских выражений *другой, остальной* [Водождоков (ред.) 1960: 199; Тхаркахо 1991: 29]. Примечательно, что формы со значением ‘другой’, образованные от указательных местоимений, обнаруживаются также в турецком и азербайджанском языках (ср. *o bir-i* ‘другой’, букв. тот один-POSS) и в некоторых нахско-

¹⁸ В [Ярославцева 2017] для бжедугского диалекта отмечается возможность присоединения к таким формам показателя ассоциативной множественности *-tхе* (*mә-d.re-tхе-r* DEM-CONTR-APL-ABS), хотя и маркирующего аддитивное множественное число (см. также [Bagirokova et al. 2022: 275]).

дагестанских языках [Lander, Maisak 2021; 2022], но насколько нам известно, не распространены в других ареалах (см. [Черемисинова, Ландер 2018]).

15. Итог: серии адыгейских указательных местоимений

В соответствии с выделенными в разделе 2 принципами, в адыгейском языке выделяются по меньшей мере одиннадцать серий демонстративов:

- серия простых указательных местоимений (*mə* ‘этот’, *mə-r* ЭТОТ-ABS и т.д.),
- предикативная серия (*mə-rə* ‘это есть’),
- серия указательных идентификаторов (*ma.rə* ‘вот’)
- инструментальная локативная серия (*mə-č'e* ‘здесь, сюда’),
- неосложненная адвербиальная серия (*m-ew* ‘так’),
- демонстративы образа действия (со множественном вариантах; *m-ew-š't-*, *mə-r-ew-š't-*, *mə-š't-*, *mə-r-e-š't-* ‘так’),
- демонстративы тождества (*mə-r-dede-* ‘этот же’),
- демонстративы подобия (*mə fed-* ‘такой’),
- локативные демонстративы (*mə-de* ‘здесь’),
- временные демонстративы (*mə-š'əwə* ‘в это время’),
- контрастивные демонстративы (*mə-d(ə)re*, *mə-d(e)re* ‘этот другой’).

Впрочем, равноценность этих серий не очевидна. Во-первых, в то время, как выделение некоторых серий основано на упомянутом во Введении противопоставлении функций и онтологических типов (место, время, образ действия и т.д.), в иных случаях сходная семантика (например, место) обнаруживается в разных сериях. Во-вторых, некоторые из серий образуются особенными маркерами и имеют полную ожидаемую парадигму форм, другие – показателями, обычно трактуемыми как словоизменительные, но в данном случае выступающими в особой функции, третьи – всего лишь имеют некоторые морфологические особенности. Наконец, не во всех сериях указательные корни выступают одинаково регулярно. В заключительном разделе мы обсудим эти проблемы с точки зрения общего подхода к выделению местоименных серий.

16. Принципы выделения местоименных серий

В чём причина неоднородности местоименных серий, выделяемых в результате применения сформулированных в разделе 2 принципов? На наш взгляд, дело в расплывчатости самих этих требований, повторенных в (48)-(49):

(48) Требование исключительности:

В местоименные серии не должны включаться сложные сочетания (пусть и частотные), если они образованы по обычным семантическим и синтаксическим или морфологическим правилам, не ассоциируемым исключительно с местоимениями.

(49) Требование регулярности:

В идеале серия должна образовываться от всех основ местоимений или релевантного подкласса местоимений.

Идеальная местоименная серия должна иметь и формальные и семантические особенности и образовываться от всех основ. Но это соблюдается не всегда: помимо канонических местоименных серий существуют кандидаты в местоименные серии, которые отклоняются от канонического образа. Встретившись с подобным явлением, исследователь может руководствоваться дополнительными соображениями, определяющими, выберет ли он описание через понятие местоименной серии или какое-либо альтернативное описание. В связи с этим ниже мы формулируем четыре положения, связанные с уточнением наших требований.

1. Семантические особенности являются основанием для выделения местоименной серии, только если рассматриваемые формы некомпозициональны.

При этом если конструкция отличается только семантикой, мы с наименьшей вероятностью захотим считать ее серией, поскольку в этом случае велика вероятность, что особенности этой конструкции связаны не с самой конструкцией, а только с местоименной семантикой – и тогда их можно попытаться описать как композициональные. Например, вопросительные местоимения часто образуют весьма специфические конструкции, но маловероятно, что их будут описывать как серии.

2. Особенности, связанные со специфическим для местоименных выражений изменением формы, скорее являются основанием для выделения серии, если они касаются синтаксических конструкций, чем если они касаются морфологических конструкций.

Если у конструкции наблюдаются только формальные особенности, а семантически она аналогична неместоименной, выделение серии не очевидно. Такая конструкция часто может быть описана как супплетивизм (часто наблюдаемый в местоименных системах) или как реализация особенной местоименной словоизменительной модели. Синтаксические конструкции обычно более последовательны в отношении поведения их частей, чем морфологические, так что описание через механизмы вроде супплетивизма для специфических синтаксических конструкций более спорно, а постулирование особой серии более естественно. Поэтому, например, для адыгейского языка мы допускаем выделение демонстративов тождества и демонстративов качества, которые отличаются от аналогичных синтаксических конструкций нестандартным оформлением.

В то же время сложные местоименные выражения нередко претерпевают морфологизацию и находятся на границе синтаксиса и морфологии (см., например, [Аркадьев 2016] о русских сложных неопределенных местоимениях, которые, несмотря на возможный разрыв предлогами, предлагается считать словами). Не исключение здесь и упомянутые адыгейские серии: демонстративы тождества обычно образуют единый именной комплекс, а несамостоятельные указательные местоимения в демонстративах подобия, возможно, должны анализироваться как связанные морфологические элементы.

Формальный признак, который отличает местоименную форму, претендующую на то, чтобы представлять местоименную серию, от неместоименной формы, может быть связан не только с присутствием какого-то особого элемента, но и с отсутствием какого-то элемента. Адыгейская серия местоимений подобия выделяется на основании отсутствия косвенного падежного показателя на указательном корне; то же становится причиной выделения самостоятельной инструментальной локативной серии, которая, впрочем, имеет и семантические особенности.

3. Факультативность специфической формальной местоименной черты свидетельствует о начале формирования серии, но допускает и альтернативное описание без постулирования местоименной серии.

Адыгейские серии демонстративов тождества и подобия поднимают и вопрос о трактовке ситуации, когда релевантная специфическая для конструкции черта оказывается факультативной. Должны ли мы, скажем, считать композиционное сочетание *mə-dede* - 'этот самый' и морфологически неожиданное сочетание *mə-r-dede*- (см. раздел 10) вариантами друг друга? Как кажется, факультативность специфической черты свидетельствует о начале формирования особой серии, но на этом этапе осмысленен и альтернативный подход, в рамках которого в качестве точки описания выбирается более регулярная конструкция, а менее регулярная представляется лишь как ее вариант.

4. Местоименная серия не должна охватывать только одно местоимение из рассматриваемого класса, но охват лишь части местоимений местоименной серией допустим – особенно в тех случаях, когда он допускает ту или иную мотивацию.

Само понятие «серия» подразумевает некоторое множество и регулярность образования. Поскольку регулярность градуируема, принятие решения о ее наличии в условиях, когда какая-то конструкция охватывает не все местоимения рассматриваемого класса, не однозначно. Решение в пользу постулирование серии, которая не включает часть местоименных основ может быть принято, если у такого невключения есть ясная мотивация. Например, поскольку исходное значение указательных местоимений – пространственный дейксис, метафорический перенос некоторых пространственных противопоставлений в другие семантические измерения иногда затруднен. В адыгейском языке это объясняет более ограниченную сочетаемость указательного корня среднего дейксиса *mwə* и, вероятно, не должно само по себе считаться аргументом против выделения серий, его не включающих.

Мы не предлагаем универсального рецепта выделения местоименных серий. Более того, за рамками нашего обсуждения остался сложный вопрос о противопоставлении и потенциальном объединении разных серий. Важно, однако, что явления, претендующие на описание в качестве местоименных серий, нередко допускают и альтернативные трактовки. Возможно, причина этого лежит в определенной диахронической нестабильности местоименных серий – в продолжающейся их морфологизации, с одной стороны, и конкуренции между разными сериями. Впрочем, подтверждение этого тезиса требует исследования истории местоименных серий, не доступной для многих языков. С дескриптивной точки зрения, однако, исследователю важно сознавать степень близости описываемого явления к каноническому образу местоименной серии и по возможности ее эксплицировать.

Сокращения

ABS – абсолютив; ADD – аддитив; ADJ – суффикс «относительных прилагательных»; ADV – адвербиальный показатель; BEN – бенефактив; CAR – каритив; CAUS – каузатив; COM – комитатив; COMP – компаратив; COND – кондиционал; CONTR – контрастивное местоимение; CS – консекутив; DAT – дативный аппликатив; DEM – демонстратив; DIR – директивный преверб; DYN – динамичность; EMP – эмфаза; ERG – эргативный участник; FACT – фактивная релятивизация ('то, что'); FUT – будущее время; INS – инструменталис; int – интенсив; IO – непрямой объект; LNK – линкер; LOC – локативный преверб; MAL – малефактив; MNR – релятивизация образа действия ('то, как'); MOD – модальный суффикс; MULT – кратное числительное; NEG – отрицание; NMNR – номинализация образа действия;

NTIME – номинализация времени; OBL – косвенный падеж; PL – множественное число; PLOC – локативное местоимение; PMAN – местоимение образа действия; PO – объект преемства; POSS – посессив; PR – неотторжимый посессор; PRED – предикативный суффикс; PST – прошедшее время; PTIME – местоимение времени; Q – вопрос; RE – рефактив/реверсив; RCP – реципрокальный аппликатив; REC – реципрок; REL – релятивизация; SG – единственное число; TMP – темпоральная релятивизация ('когда').

Литература

- Аркадьев 2016 – Аркадьев П. М. К вопросу об эндоклитиках в русском языке. *Архитектура клаузы в параметрических моделях: Синтаксис, информационная структура, порядок слов*. Циммерлинг А. В., Лютикова Е. А. (ред.). М.: Языки славянских культур, 2016, 325–331.
- Аркадьев и др. 2009 – Аркадьев П. М., Ландер Ю. А., Летучий А. Б., Сумбатова Н. Р., Тестелец Я. Г. Введение. Основные сведения об адыгейском языке. *Аспекты полисинтетизма: Очерки по грамматике адыгейского языка*. Тестелец Я. Г. (отв. ред.). М.: РГГУ, 2009, 17–120.
- Архангельский и др. 2018–2023 – Архангельский Т. А., Багиорова И. Г., Ландер А. Д., Ландер Ю. А. *Адыгейский корпус*. URL: <http://adyghe.web-corpora.net/>
- Барыльникова 2013 – Барыльникова Д. В. *Пространственный дейксис в темиргоевском диалекте адыгейского языка*. Рук., 2013.
- Беликов 1972 – Беликов В. И. К употреблению указательных местоимений в шугнанском языке. *Забонҳои помирӣ ва фольклор. Памирские языки и фольклор*. I. Душанбе: Дониш, 1972, 74–77.
- Водождоков (ред.) 1960 – *Русско-адыгейский словарь*. Водождоков Х. Д. (ред.) М.: ГИИНС, 1960.
- Герасимов 2010 – Герасимов Д. В. Предикативные формы личных местоимений в адыгейском языке. *Типологически редкие и уникальные явления на языковой карте России. Тезисы докладов международной научной конференции. Институт лингвистических исследований РАН*. СПб.: Нестор-История, 2010, 18–20.
- Гишев 1985 – Гишев Н. Т. *Вопросы эргативного строя адыгских языков*. Майкоп: Адыгейское отд. Краснодарского книжного издательства, 1985.
- Зекох 1969 – Зекох У. С. *Система склонения в адыгейском языке*. Майкоп: Адыгейское отд. Краснодарского книжного издательства, 1985.
- Зекох 2002 – Зекох У. С. *Адыгейская грамматика*. Майкоп: Качество, 2002.
- Зекох и др. 2003 – Зекох У. С., Меретуков К. Х., Тхаркахо Ю. А. *Структурные особенности адыгейского языка*. Майкоп: Качество, 2003.
- Коряков 2006 – Коряков Ю. Б. *Атлас кавказских языков*. М.: Пилигрим, 2006.
- Кумахов 1964 – Кумахов М. А. *Морфология адыгских языков. Синхронно-диахронная характеристика*. I. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1964.
- Перцов 2001 – Перцов Н. В. *Инварианты в русском словоизменении*. М.: Языки русской культуры, 2001.
- Рогава, Керашева 1966 – Рогава Г. В., Керашева З. И. *Грамматика адыгейского языка*. Краснодар – Майкоп: Краснодарское книжное изд., 1966.

- Сердобольская, Кузнецова 2009 – Сердобольская Н. В., Кузнецова Ю. Л. Двойное падежное маркирование: уникальный случай адыгейского языка. *Аспекты полисинтетизма: Очерки по грамматике адыгейского языка*. Тестелец Я. Г. (отв. ред.). М.: РГГУ, 2009, 166–200.
- Сердобольская, Мотлохов 2009 – Сердобольская Н. В., Мотлохов А. В. Семантика конструкций с сентенциальными актантами в адыгейском языке. *Аспекты полисинтетизма: Очерки по грамматике адыгейского языка*. Тестелец Я. Г. (отв. ред.). М.: РГГУ, 2009, 498–558.
- Ситимова 2004 – Ситимова С. С. *Бжедугский диалект в адыгейском языковом мире*. Майкоп: Качество, 2004.
- Сумбатова 2009 – Сумбатова Н. Р. Коммуникативная структура адыгейского предложения: перспектива и фокус. *Аспекты полисинтетизма: Очерки по грамматике адыгейского языка*. Тестелец Я. Г. (отв. ред.). М.: РГГУ, 2009, 559–611.
- Тхаркахо 1991 – Тхаркахо Ю. А. *Адыгейско-русский словарь*. Майкоп: Адыгейское книжное изд.
- Урусов 1980 – Урусов Х. Ш. *Морфемика адыгских языков*. Нальчик: Эльбрус, 1980.
- Черемисинова, Ландер 2018 – Черемисинова М. О., Ландер Ю. А. ДРУГОЙ: типологические наблюдения. *Рема*, 2018, 4: 109–124.
- Яковлев, Ашхамаф 1941 – Яковлев Н. Ф., Ашхамаф Д. А. *Грамматика адыгейского литературного языка*. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1941.
- Arkadiev, Maisak 2018 – Arkadiev P., Maisak T. Grammaticalization in the North Caucasian languages. *Grammaticalization from a typological perspective*. Narrog H., Heine B. (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2018, 116–145.
- Arkadiev, Testelelets 2019 – Arkadiev P., Testelelets Y. Differential nominal marking in Circassian. *Studies in language*, 2019, 43(3): 715–751.
- Bagirokova, Lander 2019 – Bagirokova I., Lander Yu. *Asymmetric word class systems and noun primacy: West Circassian and beyond*. Unpublished ms.
- Bagirokova et al. 2022 – Bagirokova I., Lander Yu., Phelan P. Number in West Circassian. *Number in the world's languages*. Acquaviva P., Daniel M. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2022, 261–304.
- Bhat 2004 – Bhat D. N. S. *Pronouns*. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Coniglio et al. (eds.) 2018 – *Atypical demonstratives: Syntax, semantics and pragmatics*. Coniglio M. et al. (eds.). Berlin: De Gruyter, 2018.
- Diessel 1999a – Diessel H. *Demonstratives: Form, function and grammaticalization*. Amsterdam: John Benjamins, 1999.
- Diessel 1999b – Diessel H. The morphosyntax of demonstratives in synchrony and diachrony. *Linguistic typology*, 1999, 3(1): 1–50.
- Diessel 2006 – Diessel H. Demonstratives, joint attention, and the emergence of grammar. *Cognitive linguistics*, 2006, 17(4): 463–489.
- Dixon 2003 – Dixon R. M. W. Demonstratives: A cross-linguistic typology. *Studies in language*, 2003, 27(1): 61–112.
- de Reuse 2009 – de Reuse W. J. Polysynthesis as a typological feature: An attempt at a characterization from Eskimo and Athabaskan perspectives. *Variations on polysynthesis: The Eskaleut languages*. Mahieu M.-A., Tervis N. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2009, 19–34.

- Dumézil 1932 – Dumézil G. *Etudes comparatives sur les langues caucasiennes du nord-ouest*. Paris: Adrien-Maisonneuve, 1932.
- Ershova 2019 – Ershova, K. A. *Syntactic ergativity in West Circassian*. Ph.D. dissertation. Chicago: The University of Chicago, 2019.
- Fillmore 1982 – Fillmore C. J. Towards a descriptive framework for spatial deixis. *Speech, place, and action*. Jarvella R. J., Klein W. (eds.). Chichester: John Wiley, 1982, 31–59.
- Haspelmath 1997 – Haspelmath M. *Indefinite pronouns*. Oxford: Oxford University Press, 1997.
- Heine, Song 2011 – Heine B., Song K. A. On the grammaticalization of personal pronouns. *Journal of linguistics*, 2011, 47(3): 587–630.
- Himmelmann 2006 – Himmelmann N. P. Demonstratives in narrative discourse: A taxonomy of universal uses. *Studies in anaphora*. Fox B. A. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 1996, 205–254.
- Himmelmann 1997 – Himmelmann N. P. *Deiktikon, Artikel, Nominalphrase: Zur Emergenz syntaktischer Struktur*. Berlin, Boston: Max Niemeyer, 1997.
- Killian 2022 – Killian D. Towards a typology of predicative demonstratives. *Linguistic typology*. 2022, 26(1): 1–41.
- Konuk 2022 – Konuk N M. 2022. *Description grammaticale de l'abzakh – tcherkesse occidentale*. Ph.D. dissertation. Paris: Université de la Sorbonne Nouvelle - Paris III, 2022.
- König, Umbach 2018 – König E., Umbach C. Demonstratives of manner, of quality and of degree. *Atypical demonstratives: Syntax, semantics and pragmatics*. Coniglio M. et al. (eds.). Berlin: De Gruyter, 2018, 285–328.
- Lander 2009 – Lander Yu. *Subject properties of the Adyghe absolutive: evidence from relatives*. Unpublished ms.
- Lander 2016 – Lander Yu. Adyghe. *Word-Formation. An international handbook of the languages of Europe*. Vol. 5. Müller P. O. et al. (eds.). Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 2016, 3508–3527.
- Lander 2017 – Lander Yu. Nominal complex in West Circassian: between morphology and syntax. *Studies in language*, 2017, 41(1): 76–98.
- Lander, Maisak 2021 – Lander Y., Maisak T. “Other” strategies in the Eastern Caucasus (Part I): Data from Udi. *Iran and the Caucasus*, 2021, 25(3): 272–283.
- Lander, Maisak 2022 – Lander Y., Maisak T. “Other” strategies in the Eastern Caucasus (Part II): Typology. *Iran and the Caucasus*, 2022, 26(3): 272–288.
- Lander, Testelets 2017 – Lander Yu., Testelets Y. Adyghe. *The Oxford handbook of polysynthesis*. Fortescue M., Mithun M., Evans N. (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2017, 948–970.
- Lander Yu., Belyaev O., Bagirokova I. (Almost) everything is oblique in West Circassian. *Proceedings of the LFG'21 conference, On-Line*. Stanford: CSLI Publications, 2021, 223–242.
- Letuchiy A. Ergativity in the Adyghe system of valency-changing derivations. *Ergativity, valency and voice*. Authier G., Haude K. (eds.). Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2012, 323–354.
- Levinson 2004 – Levinson S. C. Deixis. *The handbook of pragmatics*. Horn L., Ward G. (eds.) Oxford: Blackwell Publishing, 2004, 97–121.
- Levinson 2018 – Levinson S. C. Introduction: Demonstratives: Patterns in diversity. *Demonstratives in cross-linguistic perspective*. Levinson S. et al. (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2018, 1–42.

- Lyons 1977 – Lyons J. *Semantics*. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
- Næss et al. (eds.) 2020 – *Demonstratives in discourse*. Næss Å. et al. (eds.). Berlin: Language Science Press.
- Nida, Moisés 1950 – Nida E. A., Moisés R. C. The pronominal series in Maya (Yucatec). *International Journal of American Linguistics*, 1950, 16(4): 193–197.
- Paris 1989 – Paris C. West Circassian (Adyghe: Abzakh dialect). *The indigenous languages of the Caucasus*. Vol. 2: *North West Caucasus*. Hewitt B. G. (ed.). Delmar: Caravan Books, 1989, 157–260.
- Serdobolskaya 2011 – Serdobolskaya N. Grammaticalization patterns of the Adyghe instrumental case. *Languages and cultures in the Caucasus. Papers from the International conference “Current advances in Caucasian studies”, Macerata, January 21–23, 2010*. Tomelleri V. S. et al. (eds.). München, Berlin: Verlag Otto Sagner, 2011, 515–539.
- Smeets 1984 – Smeets R. *Studies in West Circassian phonology and morphology*. Leiden: Hakuchi Press, 1984.
- Smeets 1992 – Smeets R. Towards an analysis of pronominal *rə* in Circassian. *Caucasologie et mythologie comparée. Actes du colloque international du CNRS, IVe colloque de caucasologie (Sèvres, 27–29 juin 1988)*. Paris C. (ed.). Paris: Peeters, 1992, 301–320.
- Testelelets, Bylinina 2005 – Testelelets, Y. G., Bylinina E. Sluicing-based indefinites in Russian. *Formal approaches to Slavic linguistics # 13*. Franks S., Gladney F. Y., Tasseva-Kurkchieva M. (eds.) Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2005, 355–364.
- Umbach, Gust 2014 – Umbach C., Gust H. Similarity demonstratives. *Lingua*, 2014, 149: 74–93.
- Vydrin 2008 – Vydrin A. Are there depictives in Adyghe? *Secondary predicates in Eastern European languages and beyond*. Schroeder C. et al. (eds.). Oldenburg: BIS, 2008, 424–445.
- Vydrine 2006 – Vydrine V. Emergence of morphological cases in South Mande. *Case, valency, and transitivity*. Kulikov L. et al. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2006, 49–64.